

В Е Р А Калачкава

Настоящая любовь
долготерпит,
милосердствует

Чувство
Магдалены

Секреты женского счастья

Вера Колочкова

Чувство Магдалины

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колочкова В. А.

Чувство Магдалины / В. А. Колочкова — «Эксмо»,
2018 — (Секреты женского счастья)

ISBN 978-5-04-093113-2

Маша – странная девушка с особенным отношением к жизни и людям: она умеет чувствовать чужую боль как свою. Именно эта «странность» и закружила Машу в круговороте отношений трех братьев - таких разных и таких одинаковых в моменты несчастья. Каждому из них Маша нужна, каждого Маша спасает... Все пользуются ее бескорыстной добротой и самоотдачей, а затем вышвыривают из своей жизни за ненужностью. Неужели так будет всегда – и праведнице Маше так и не найдется места в нашем практичном мире?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093113-2

© Колочкова В. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Вера Колочкова

Чувство Магдалины

*Да, люди неразумны, непоследовательны и
эгоистичны.*

И все же люби их!

*Если делаешь добро, люди обвинят тебя в
затаенной корысти и себялюбии.*

И все же твори добро!

*Искренность и открытость сделают тебя
уязвимым.*

И все же будь искренен и открыт!

*То, что ты строил годами, может разрушиться в
одно мгновение.*

И все же строй!

*Люди нуждаются в помощи, но они же станут
упрекать тебя за нее.*

И все же помогай людям!

Советы Матери Терезы

Глава 1

Июльский полдень таился за окнами домов и под навесами, отгораживался обманом от палящего зноя. Иногда притворялся, что умер. Клонил к земле вялые обморочные травы, выставлял на обозрение, как жертву, потрескавшийся участок дорожной обочины. Умирать или притворяться мертвым ему было не впервой – в этих-то жарких краях... А когда в окрестностях славного города Феодосии не бывало жары в июле, чтобы полуденное солнце не жарило бы курортника почище адовой сковородки?

И в Ближних Камышах, то есть в этих самых окрестностях, случился в этом году солнечный катаклизм. В самый что ни на есть пик сезона. Все как положено. И народу понаехало – тьма. По сравнению с предыдущим летом, конечно. А что делать? Время такое. Не от погоды зависит, а от геополитики.

Под одним из таких навесов сидели трое мужчин, пили пиво, лениво заедали чищеной воблой, аккуратно разложенной кусочками на газете. По виду – типичные отдыхающие. По манерам – перепутавшие Ближние Камыши с отелем где-нибудь на Гавайских островах. Слишком движения были замедленные, слишком небрежные, а выражения лиц – насмешливо снисходительные. Старший из мужчин был лет сорока, сухой, высокий, со впалой грудью, обожженной до болезненной красноты солнцем. На лице его было написано если не страдание, то большое недоумение – вот незадача случилась в это захолустье попасть, еще и ожог получил... И в то же время казалось, что это страдальческое недоумение было размыто выражением смиренной покорности – ничего, можно и ожог перетерпеть, если надо. Перетерплю, никуда не денусь.

Он даже пиво пил, будто одолжение делал. С недоумением и покорностью. А к вобле вообще не прикасался, смотрел с брезгливостью на мятую газету, на которой она была разложена. Потом огладил узкой ладонью обожженную грудь, промычал что-то и болезненно прикрыл глаза.

– Чего, Антоха, сильно припекло? – спросил его второй мужчина, поднося к глазам кусок воблы и внимательно его рассматривая. Потом проговорил тихо, будто для самого себя: – Надо бы спросить у деда, он сам воблу чистил или уже разделанную купил... Черт его знает, какие ручонки ее разделявали, еще и заразы какой-нибудь нахватаешься, не приведи господь...

– Платош... Если сомневаешься – не ешь, – посоветовал тот, который Антоха, и снова поморщился брезгливо. – И не поминай господу всеу, тем более рядом с чертом! Слух режет, честное слово!

– Да ты у нас эстет, Антоха! Глаза не хотят видеть, уши не хотят слышать! А у меня все наоборот... Глаза видят и уже хотят... Знаю, что нельзя, но ручонка сама тянется!

– Не понимаю, хоть убей... – дернул плечом Антон. – Зачем есть эту рыбу, если нельзя?

– Так хочется ведь, я ж тебе говорю! – живо отозвался Платоша. – Как не хотеть-то? Ты посмотри – все так, как мы планировали, живая картинка! Вот тебе крымское пиво, а вот вобла. И мы все вместе под навесом сидим, в доме у деда. Я всю весну видел этот навязчивый сон, во всех деталях... Как сижу под этим навесом, пиво пью и воблу грызу!

– Ну, так и будь счастлив...

– А я и счастлив! По-моему, мы все сделали правильно, что собрались наконец и к деду приехали! Вон, раньше каждый год все втроем ездили, а потом все дела, дела... Сто лет собирались.

– Почему сто лет? Всего четыре года.

– Ну да... А договаривались – каждый год, помнишь? Или забыл?

Платон решительно сунул в рот кусок воблы, разжевал, запил щедрой порцией пива, крякнул от удовольствия. Впрочем, удовольствие было скорее показным, а кряканье слишком театральным. И глаза мужчины пивному удовольствию не соответствовали – не было в них присущей процессу туманной расслабленности, вместо нее плавала в глазах живая и острая смешинка, опять же дающая право сомневаться в искренности получаемого удовольствия. Да и весь облик Платона подтверждал собою это право сомнения – и его холеные белые руки, и гладкая кожа лица, и матово загорелая ухоженная лысина, которая с полным достоинством заявляет о значимом социальном статусе хозяина. А еще Платон был приземист, широк в кости и слегка полноват – округлое брюшко угадывалось под свободной майкой. Но и брюшко его не портило, а наоборот, служило неким дополнением к тому самому явно предполагаемому социальному статусу.

– А откуда это пошло, не помните? – спросил третий присутствующий за столом мужчина.

– Что пошло, Лео? – переспросил Антон, будто удивившись вопросу.

– Ну... Чтобы непременно к деду Ивану – всем вместе... Мы что, когда-то клятву давали?

– Да. Именно так. Мы давали клятву, – тихо ответил Антон, не замечая насмешливости в голосе того, кого только что назвал странным именем Лео.

– Да? А я не помню...

– Конечно, ты еще салагой был, потому и не помнишь.

– А кому мы клялись? Деду Ивану? Или матери?

– Да самим себе клялись.

– Ой, как романтично... Три брата дают торжественную клятву – каждое лето всем вместе приезжать в дом деда... А как это было, а? Расскажите! При свете луны, да? Или под барабанную дробь? А кровью мы нигде не расписывались, не?

– Слушай, Лео... Заткнись, а? – тихо проговорил Платон, отхлебывая из кружки пиво. – Будь человеком – хотя бы здесь. Не посягай на святое.

– Хм... Святое, как я понял, это когда каждый год приезжаешь. А не раз в пятилетку, да и то с трудом...

– А раньше и ездили каждый год, – вздохнув, заглянул в свою кружку Антон. Но пить не стал, отодвинул от себя брезгливо. И добавил тихо: – Да, Лео, так и было. Как бы ни были заняты, собирались вместе и ехали. Неужели не помнишь?

– Да помню, помню...

– А чего тогда задаешь свои дурацкие вопросы? Или у тебя других не бывает?

Лео улыбнулся светло, необидчиво, слегка пожал плечами. Потом положил голову на спинку скамьи, прикрыл веками глаза и будто отстранился от братьев. Провел границу водораздела – вы там, а я здесь, я сам по себе...

Он и впрямь не был похож ни на Антона, ни на Платона, что было довольно странно – как ни крути, а все же родные братья. Во всем его облике присутствовала некоторая расхлябанность, или расслабленность, счастливое ко всему равнодушие и свобода. Длинные выгоревшие на солнце волосы были собраны на затылке в пучок, линиялая черная майка ловко облегла худое мускулистое тело, длинные поджарые ноги были свободно вытянуты под столом, руки спокойно лежали на спинке скамьи – со стороны казалось, будто Лео стремится обнять братьев, поделиться с ними своей расслабленностью. Или расхлябанностью, свободной и равнодушной.

Молчали долго, слушали, как резвится жаркий ветер в камышах. Их буйные заросли начинались в десяти шагах от каменной невысокой ограды, и в такой ветреный зной камышовое царство особенно напоминало о своем близком присутствии – казалось, это не просто шорохи, а чье-то тихое, совсем незлобное, но очень усталое ворчание.

Вышел из дома дед Иван, потер ладонями заспанное лицо. Вздохнул, потом долго смотрел на внуков, устроившихся под навесом.

– Дед, иди сюда, не стой на солнцепеке! Голова заболит! – позвал Платон и даже подвинулся слегка на скамье, хотя места за большим столом было с избытком.

– Так она и без того болит. Хоть на солнце, хоть без солнца... – вяло проговорил дед, медленно шагая к навесу.

Сел на скамью, сложил на столе в узел коричневые сухие ладони, поднял вверх подернутые влагой глаза:

– Должно, гроза к вечеру будет. Ишь, как ветер в камышах гуляет! Даже спать не дает... Я только-только вздремнул, даже сон хороший увидел, но эти разбойники разве дадут поспать!

– Кто разбойники? Камыши? – без тени улыбки спросил Лео.

– Ну так... Я ж говорю. Так разрослись, скоро к дому вплотную подойдут.

– И что? – насмешливо спросил Антон. – Силой захватят, экспроприруют твою частную собственность, дед?

– Да не эско... не эспро... Фу-ты, леший, Антоха! Нет, чтобы нормальным словом сказать!

– Каким, например? Отожмут? Стырят? Сожрут?

– Да не... Не отожмут, не стырят и не сожрут. Не бойсь, Антоха. Мы с ними в дружбе живем, с камышами-то. И вообще, это место такое... Особенное. Здесь и впрямь камыши хозяева, это мы у них на постое, а не они у нас. Так и живем в постоянном согласии – люди да камыши. Я сколько себя помню, столько эти камышовые заросли помню. А может, я родился в камышах, кто знает.

– Хм! Да ты у нас поэт, дед Иван! – с интересом глянул на деда Лео.

– Да ладно, скажешь тоже... – отмахнулся недовольно дед. – Куда мне такое баловство, на хлеб его не намажешь. Это ты у нас из этих обормотов, Леонка, а я так, лепечу иногда, что в старую башку взбредет. Как, бишь, эта стая бездельников да обормотов называется, я забыл?

– Эта стая зовется богемой, дед... – с тихим удовольствием подсказал Антон, ухмыльнувшись.

– Во-во. И Леонка у нас богема, стало быть. Ага.

– Да какая я богема, дед... Может, и богема, конечно, только несостоявшаяся. Что может быть хуже несостоявшихся богемных притязаний, правда?

Дед моргнул, не зная, что ответить. Да и вопрос от Лео вовсе не деду предназначался. И вообще – что за дурацкий вопрос? Повис в воздухе и словно вживую наслаждался напряженной неловкостью на лицах братьев. Вот Платон задумчиво поднес к губам полную кружку пива, вот Антон поморщился, отмахнувшись ладонью от навязчивого запаха воблы. Но ни пиво, ни запах воблы не могли перебить этого незадачливого напряжения, потому что вопрос прозвучал вполне конкретно – правда или неправда, и что может быть хуже... Но как на него ответишь? Вроде люди интеллигентные за столом собрались... Да, лучше промолчать, и тогда неловкость сама собой рассосется...

И деду эта пауза нелегко далась. Он явно почувствовал, что стоит за этим неловким молчанием, и тяжело вздохнул.

Нет, а чего еще он мог сделать? Только вздохать. Глядеть на внуков, думать свою думу и утешать себя – мол, что получилось из них, то получилось. Хотя, чего бога гневить? Не абы какие мужики образовались, каждый при своем ремесле. Антоха – бизнесмен, дома строит, контора у него большая, людей в подчинении много. Нервишками, правда, слабоват, психованный стал в последнее время... Ну, да это ничего, отдохнет, поправится. Платон тоже в своем адвокатском ремесле далеко рванул и тоже контору свою держит, деньжищи, говорят, лопатой гребет. И жёны у Антона с Платоном какие-никакие есть... Правда, гордые шибко, сюда, в Камыши, их калачом не заманишь. Отпускают иногда своих мужиков деда навестить – и на том спасибо. А вот Леонка... Леонка подкачал, конечно. Не ту профессию выбрал. Да и что это за профессия – художник? И ведь столько денег в него вбухано, столько материных и его, деда, нервов... То ему мастерская нужна, то поездки черт знает куда, по разным странам... Все вдохновение ищет, бедолага. Кто бы знал, где это вдохновение обитает... Его же за деньги не купишь, нахрапом не возьмешь, вот и мается парень в поисках. И ладно бы хоть семья была, а то ведь и семью создать не удосужился! Живет один, девок меняет как перчатки. А эти девки его! Это ж отдельная песня! То в одну сторону его качнет, то в другую! То одна рядом живет, через месяц, глядишь, следующая появилась, и со счета сбиться можно! Наверное, Татьяна его в детстве больше других баловала. Леонка и лицом, и фактурой на Татьяну больше всех похож...

Подумав о Татьяне, дед Иван еще горше вздохнул, и мысли покатались в другую сторону, давно, надо сказать, поднадоевшую. Вроде смириться пора, что дочь в далеких далях живет, в заокеанской Америке, а душа смирения не принимает, хоть на части ее режь, душу-то. Родное дитя все-таки. Кому ж охота, чтобы меж тобой и родным дитем океаны бездонные пролегали?

Хотя тогда, когда засветила на горизонте эта Америка, и не думалось о Татьянинном отъезде с такой печалью. Она к тому времени уже вдовая была, мужа своего, трагически погибшего, схоронила и одна с тремя пацанами на руках осталась. Антохе было пятнадцать, Платону десять, а Леонке едва пять исполнилось. Он родного отца и не помнит... И жила бы себе дальше, пусть и вдовая осталась, подумаешь... И откуда этот американец взялся, а? Видать, судьба его Татьяне подсунула. А от судьбы, как известно, не уйдешь.

А может, и не судьба, а красота Танюхина такую службу ей сослужила. И впрямь – кто ж мимо такой бабы пройдет? Охотники-то всякого рода кругами крутились, да только тройного довеска к Танькиной красоте побаивались. И американец тот, стало быть, испугался... Виду не подал, но Танюха и сама обо всем догадалась, баба не глупая. И рассчитала все по своему разумению – пусть дети без мамки растут, зато будущее она им обеспечит, деньгами американского мужа на ноги поставит. А он и рад-радехонек был такому раскладу... Откупиться

ведь всегда легче, чем показной любовью себя насиловать. А любить пацанов по Танькиным планам полагалось ему, деду...

Да, трудненько ему тогда пришлось. Ладно бы, жена Маруся за пять лет до того богу душу не отдала... Вдвоем бы легче было, конечно. А так... Пришлось все бросать да переезжать в Москву, внукам себя отдавать без остатка. Как нынче модно говорить, менять формат жизни. Уж такой был этот формат, такой... Все с ног на голову перевернуто. Придут пацаны домой, а там вместо мамки дед на кухне кашеварит. А мамка, стало быть, по телефону из Америки каждый день командует, установки дает – Антоше самого хорошего репетитора найди, самого дорогого, да не забудь в гимназию позвонить, узнать, как у него дела... Он поначалу и звонить боялся в эту гимназию – а ну как пошлют куда подальше. Потом понял, что никуда не пошлют, а наоборот, во все места облизут и все подробненько и обстоятельно расскажут. Еще бы, за такие-то деньги, которые в платное обучение вбуханы. И Платон в этой же гимназии учился, потом и Леонка... Танькин американский муж Билл на деньги не скупился.

Поначалу голова кружилась от тех денег, которые им с пацанами полагались на безбедную жизнь. А потом ничего, привык. Научился хорошие продукты на рынке покупать, и в магазинах дорогих осмотрелся, и в ту самую диковинную гимназию стал ходить, с учителями беседовать. Татьяна даже настояла на том, чтобы он домработницу подыскал. Не хотелось в дом чужого человека пускать, но разве ее переубедишь? Сама позвонила соседке со второго этажа, бодрой пенсионерке Валентине Петровне, и та с дорогой душой согласилась у них в квартире убирать два раза в неделю. А что делать, деньги всем нужны... Валентина Петровна и на кухню рвалась, да дед Иван не пустил, потому что пацаны привыкли к его готовке, уплетали за милую душу и борщи, и пельмени. А чего из хороших продуктов не приготовить? Тем более для внуков... Это ж не кашу из топора придумывать!

Зато летом они всем табором ехали в Камыши, на воздух, на море, на солнце. Даже когда Антоха студентом стал, дед Иван его от себя летом не отпускал. А что? Все вместе, так все месте! Братья должны едины быть, как твердый кулак!

А потом как-то незаметно внуки выросли, в мужиков образовались. На материнских деньгах в жизнь въехали, как Чапай на парад на белом коне. А как бы Антоха свое дело открыл, без денег-то? Или Платон – свою адвокатскую контору? В этой жизни одним умом не пробьешься, все равно надо, чтобы впереди тебя соломка любящей рукой была подброшена. Тогда и скакать можно, и шашкой размахивать, и не бояться, что упадешь с коня да шею себе свернешь.

Внуки выросли, а ему, старому деду, вдруг захотелось в родные Камыши вернуться. Чтоб насовсем. Как говорится, на покой. Так и объявил им в одночасье – уезжаю, мол, и без меня теперь проживете. Так и живут... Сначала каждое лето в Камышах появлялись, вроде как жизненное правило себе такое взяли – чтобы в одно время и все втроем. Он и дом на две части поделил, чтобы им комфортнее было, чтобы ему не маячить у внуков перед глазами. Им большую часть отдал, себе небольшую комнатку на задах выделил. Каждое лето ждал, готовился... Потом они все реже приезжать стали... А в это лето, ишь, опять все вместе нагрянули! Да только глянул на них – не узнал... Антоха какой-то нервный стал, у Платона злая желчь в глазах плавает, а Леонка и вовсе поник, смотрит затравленно, хоть и через улыбку. Да разве его, старого деда, этой улыбкой обманешь? Плохо, плохо все у парня... Так себя и не нашел, видать. Не далось в руки вдохновение, к другому художнику убежало. Не состоялся парень в профессии. Да и какая это профессия – художник? Сплошное баловство. Э-эх, Леонка, Леонка...

Прилетел ветер, дохнул в лицо зноем и прелым запахом камышей, свернул газету, на которой были разложены куски воблы, потащил ее по столу. Все встрепенулись, потянули за газетой руки, Платон локтем задел пивную кружку, и она опрокинулась на столешницу, брызгая остатками пива. Дед тихо, но смачно ругнулся, неизвестно, на кого больше досадуя – на

Платона или на знойный ветер. Или, может, досада его взяла, что пришлось вынырнуть из своих не очень веселых дум...

– Мать-то пишет чего, пацаны? Как у нее там дела? – спросил тихо, подняв на «пацанов» глаза.

– Нынче писем не пишут, дед... – так же тихо ответил Антон, усмехнувшись, – нынче по телефону общаются и по другим средствам связи, которых доступное множество образовалось. А тебе мама что, письма пишет?

– Раньше писала, да. Редко, правда, больше и впрямь по телефону звонила. А теперь совсем не пишет. Последнее письмо года два назад приходило.

– Ну, так она тебе часто звонит, наверное?

– Да разве в наши края дозвонишься? Я вон в Севастополь другу Сашке позвонить не могу, все время связь барахлит. А тут Америка! Соображать надо! Только и узнаю о дочери, что жива-здоровая, когда перевод на почту приходит. А что? Если деньги выслала, значит, жива... И на том спасибо...

Дед вздохнул, помолчал немного, потом продолжил с досадой:

– Хотя лучше бы письма вместо денег присылала, ей-богу! А то хожу за этими деньгами на почту, как прокаженный...

– Это почему же как прокаженный, дед? – удивленно спросил Платон. – Вот бы все себя чувствовали прокаженными, когда им денег присылают! Смешно!

– Тебе смешно, а мне нет, – отрезал дед. – Бывало, приедешь на почту, а бабы-кассирши зверьми смотрят, будто я какой уголовник. Считают чужие деньги, завидуют... А чему, чему завидовать-то? Небось их родные детушки никуда с родной стороны не уезжали... И вы тоже с некоторых пор... Вместо того чтобы приехать, все деньги шлете... Ну зачем, зачем мне ваши деньги? В бочке их солить? Я их и не трогаю... Все целые на сберкнижке лежат. Как помру – обратно себе возьмете. Вам, молодым, они больше сгодятся.

– Да не надо на книжку складывать, дед... – вяло возразил Платон. – Лучше в дело какое употреби.

– Да какое у меня, у старика, дело! Скажешь тоже!

– Ну, я не знаю... – задумчиво протянул Платон, подняв глаза. – Крышу на доме новую сделай, к примеру.

– Так эта еще не прохудилась, на мой век хватит.

Антон ухмыльнулся и, подмигнув Платону, проговорил вкрадчиво, через улыбку:

– А я бы на твоём месте, дед, благотворительный фонд открыл... Фонд имени трех братьев – Антона, Платона и Леона... И матери их Татьяны из славного города Хьюстона, что в штате Техас... А что? Здорово же! Будешь помогать местным кассиршам на почте, а также другим обделенным судьбой женщинам, разведенкам и многодетным... Глядишь, они тебя и полюбят, и зверьми в твою сторону смотреть не будут, а совсем даже наоборот! И все население Камышей к тебе потянется, и по телику местному покажут...

– Антоха, сейчас по уху получишь! Понял? – даже не улыбнувшись, тихо ответил дед.

– Да за что? – в показном ужасе распахнул глаза Антон.

– За что? – переспросил дед и, подумав, махнул рукой: – Сам знаешь, за что... Яду ты в себе много накопил, Антоха, вот что я тебе скажу... Вроде и складно говоришь, а такое чувство, будто ядом плюешься. И суетишься все время, нервничаешь ни к месту... Вот ей-богу, так руки и чешутся – врезать тебе по уху!

– Да, дед... Если бы сейчас Антохины подчиненные тебя слышали... – тихо рассмеялся Лео, с грустью глядя на деда. – Много бы дали, наверное, чтобы увидеть, как зверю-начальничку родной дед мозги вправляет...

– И ты, Леонка, сейчас по уху получишь! – развернулся к нему дед.

– А мне-то за что? – удивленно отстранился Леон.

– А за злорадство! Ей-богу, совсем вы какие-то стали... Как неродные. Вроде и через шутку разговариваете, а все шутки со злобной гнильцой. Раньше такими не были...

Братья переглянулись, замолчали неловко. Дед и сам понял, что перегнул палку, спросил уже более миролюбиво:

– И все-таки... Как там мать-то? Расскажите толком.

– Да все у нее хорошо, дед, – медленно проговорил Платон. – Живет себе и живет, жизнью наслаждается. Недавно третью пластику себе сделала, выглядит для своих шестидесяти вполне себе презентабельно. Звонит нам часто. В гости зовет, про тебя спрашивает. Может, рванешь к дочери в гости через океан? Она рада будет. И с зятем познакомишься, наконец. Если не понравится – по уху ему дашь.

Дед Иван поднял на Платона глаза, и тот отгородился шутливо, подавшись назад корпусом и выставив перед лицом ладони. Антон и Лео тихо засмеялись, ожидая реакции деда, но он даже бровью не повел, помолчал немного и проговорил грустно:

– Не, стар я для таких путешествий... Лучше бы сама приехала... А то даже не пишет... Трудно ей, что ли, сесть да письмо написать?

– Так она, наверное, разучилась писать письма. Да все давно разучились, не она одна...

– Ну и зря! Я вашей бабке по молодости много писем написал, она их до самой смерти хранила. В письме ж многое можно рассказать, и тоску свою описать можно, и чувства всякие. Это ж не по телефону дежурные слова тарабанить, потому что надо торопиться все время! А бумага – она что... Бумага времени не забирает, пиши да пиши сколько надобно.

– Слушай, дед! Мне гениальная мысль в голову пришла! – вдруг перебил его Платон, хлопнув ладонями по столешнице. – А может, тебе компьютер купить, а? Вот она и будет тебе в электронку писать...

Дед хмыкнул, помотал головой, потом проговорил с тихой грустью:

– Чудные вы нынче, ей-богу! Чтобы обыкновенное письмо написать да по почте отправить – уже и толку нету. Компьютер для этого дела подавай...

– Да ты не обижайся, дед, – тихо протянул Платон, – если бы связь нормальная была, она бы каждый день тебе звонила.

– Да уж, со связью у нас проблема, – подтвердил дед. – Это надо признать, никуда не денешься.

– Ну... Я думаю, скоро все изменится, вот увидишь. И связь будет, как везде.

– Да когда еще... Не доживу я.

– Доживешь, куда денешься.

Разговор иссяк. Платон налил себе пива, со вкусом сделал несколько глотков, и дед, глядя на него, дернул кадыком на прокопченной солнцем жилистой шее, командовал весело:

– А ну, Антоха, налей мне тоже пивка... Хотя и нельзя мне, боюсь, давление поднимется, но разманили вы меня, страсть как пивка хлебнуть захотелось.

Антон с готовностью налил деду пива, подвинул по столу кружку, и все стали смотреть с улыбкой, как он медленно пьет, как слегка подрагивают его сухие, но крепкие пальцы, сжимающие ручку кружки.

Осушив кружку до дна, дед крикнул, со стуком поставил ее на стол, командовал весело:

– Еще!

В эту секунду дверь дома распахнулась и во двор вышла девушка, придерживая у бедра большой таз с постиранным бельем. Не обращая внимания на компанию под навесом и деловито утерев лицо тыльной стороной ладони, принялась развешивать белье на веревке, протянутой меж двумя старыми шелковицами, что росли в разных концах двора. Движения ее были четкими, лицо для такого простого занятия – слишком сосредоточенным. Наклонялась, брала в руки очередную постирушку, потом распрямлялась, встряхивала ее с шумом и грациозно тянулась вверх, чтобы пристроить ее на веревку.

Все заворуженно глядели из-под навеса на это действо. Наверное, не само по себе действо рождало такое пристальное внимание, а то, что девушка была в купальнике. По большому счету эти маленькие тряпицы на груди и на бедрах и купальником назвать было нельзя, тем более они были настолько вылинявшими на буйном солнце, что потеряли былые краски, и выглядели на стройном девичьем теле скорее недоразумением, чем купальником. Полоска сверху едва прикрывала грудь, узкие трусики даже и не пытались прятать округлые загорелые ягодички. Когда девушка привставала на цыпочки и тянулась к веревке, они едва заметно подрагивали, но в этой притягивающей мужские взгляды детали не было и намека на хитрый женский соблазн. Казалось, она вообще не замечала за спиной никаких взглядов, так была увлечена своим нехитрым занятием. Наконец Лео проговорил с неловкостью:

– Маш, ну зачем ты... Мы бы и сами все постирали...

– Да мне нетрудно! – полуобернувшись, весело проговорила девушка, сверкнув белозубой улыбкой. – Белья много накопилось, вот я и взялась простирнуть!

Убрав ладонью со лба светлую русую прядь, она наклонилась вниз, взяла в руки очередную постирушку, сильно взмахнула руками, пытаясь ее расправить, и отвернула лицо в сторону от летящих в него брызг.

– Надо же, какая хорошая девочка... – усмехнувшись, проговорил Антон, – она и мою рубашечку простирнула...

– И мою футболку, смотри-ка... – тихо протянул Платон, оглаживая плотными пальцами пивную кружку.

– Ты бы оделась, Машутка, чего голышом выскочила! – сердито пробурчал дед Иван, глянув на братьев. – Да и зря ты белье развешивать затеялась, все равно скоро дождь будет! Иди в дом, накинь на себя что-нибудь!

– Так жарко же, дядь Вань... – удивленно развернулась от таза девушка, расставив руки в стороны, – тем более я в купальнике!

– Иди, говорю! Не рассуждай!

– Хорошо, пойду шорты надену...

Маша весело хмыкнула, будто просьба деда Ивана показалась ей смешной причудой, пожала плечами и быстро умчалась в дом. Все проводили ее глазами, и Антон тут же спросил, повернув голову в сторону Лео:

– А скажи-ка, братец, каково это – быть капитаном Грэм, а? Поделись, не жадничай ощущениями!

Платон хмыкнул, подхватил насмешливую интонацию брата:

– Ну да, ну да... В этих местах, куда ни плюнь, сразу в очередную Ассоль попадешь. И чего старику Грину в голову взбрело именно в Феодосии поселиться? Вот и посеял кругом свой дух романтики пополам с бедностью...

– Да уж... Каждой местной Ассоль – по своему капитану Грэю! Вон, для Машеньки уже наш Лео нашелся, пусть и ненадолго, но все же... Какой-никакой, а Грэй... Она хоть в курсе, что мы здесь ненадолго задержимся, а?

– Она в курсе, – вяло подтвердил Лео. По всему было видно, что ядовитый допрос братьев ему неприятен.

– А как ты ее называешь, а, Лео?

– Машей и называю, – сердито глянул на братьев Лео. – А вы как думали? Ассоль? У нее очень красивое имя – Маша...

– Ну да. А главное – редкое, – серьезно произнес Платон, высматривая на газете очередной кусок воблы, и Антон затрясся в тихом смехе.

Лео снова глянул на братьев – на этот раз понимающе и чуть снисходительно, и продолжил, будто не замечая их насмешливых улыбок:

– Да, очень красивое имя. Маша... Машка... Будто ветер к камышам шумит, или волна о берег плещется. Или будто песок сыплется сквозь пальцы, шуршит. Маша, Маш-ш-ш-ка...

Платон подмигнул Антону, проговорил с ухмылкой, подняв бровь:

– А-а-а... Я понял, Антоха, почему она таки его выбрала. Не потому, что он из нас самый молодой да резвый, а потому, что он ее аллегориями обаял. Ветер в камышах, волна о берег, песок сквозь пальцы... Молодец, однако! Мы ж с тобой так не умеем!

– Ну, это ему было нетрудно, – согласно кивнул Антон, – он же у нас натура творческая, гипертрофированному романтизму подверженная. Тем более и Машенька наша – чистая Ассоль, ни дать ни взять. Доверчивое создание. Такая уж если наслушается аллегорий, если полюбит... Уж хвостом не вильнет, как некоторые. Слышь, Лео? Это тебе подарок судьбы, маленькая компенсация за пережитые страдания! Много из тебя твоя пиявка Камея сил вытянула, так что радуйся пока свежей кровушке!

– Да ну вас, хватит болтать всякую ерунду, – отмахнулся Лео, вставая из-за стола.

Он шагнул из-под навеса в солнечное пекло, потянулся, быстро зашагал по тропинке в сторону расположившегося на задах подворья туалета. Братья глядели ему вслед, потом Антон произнес деловито, с настойчивой просительной интонацией в голосе:

– Дед! Давай мы тебе наконец удобства человеческие в доме сделаем! Ну что это за безобразие, а?

– Это ты опять про нужник, что ли? – вяло переспросил дед.

– Ну...

– Да отстань, Антоха.

– Но почему ты сопротивляешься, не пойму?!

– Почему, почему... Потому. Мне на свежем воздухе веселее нужду справлять, вот почему.

– А зимой?

– А зимой воздух еще свежее, чем летом. Отстань. Скажи лучше – чего это Леонка такой смурной? Никак не пойму, и вы все загадками говорите.

– Никаких загадок, дед. Его Камея бросила.

– Кто?!

– Камея. Девушка его, стало быть. Подруга жизни. Три года вместе прожили.

– Три года, говоришь? А та, которая до этого была, куда делась?

– Ну, дед... Если мы всех подруг жизни считать начнем, у нас пальцев не хватит. Если даже все пальцы взять, и мои, и твои, и Платона. Он у нас такой, донжуан...

– Что же, ни в кого по-настоящему не влюбился?

– Почему? Вот Камею, к примеру, очень даже любил... И вкладывался в нее прилично.

– Как это – вкладывался? – фыркнул с неприязнью дед Иван. – Она что, сберкнижка, чтобы в нее вкладываться?

– Нет. Она начинающая певица. Да ты слышал, наверное? Она часто в телевизоре мурлычет... Еще песенки у нее такие веселенькие, разуха-бистые.

– А я что, слушаю ваши басурманские песенки? Сейчас и песен-то не поют, а, как ты говоришь, мурлычут... Даже имя какое-то басурманское – Камея...

– Да в миру она просто Катька, дед. Катька Плюшкина. Но иногда и Катькам очень уж в телевизор хочется. Даже не иногда, а очень часто. Как раньше Дунькам хотелось в Европу, помнишь?

– М-м-м... – пробурчал Платон, улыбаясь. – Это точно... Чем больше Катька, тем больше хочется в телевизор... А уж если Плюшкина, так и вдвойне...

– Опять злобствуете, да? – сурово спросил дед.

– Нет, на сей раз не злобствуем, – грустно ответил Платон, – на сей раз все именно так и получилось – грустно и печально.

– А что, Леонка не может себе нормальную девку найти? Ну, или хотя бы эта... Зачем ей Камеей-то обзывать? Так и называлась бы – Катя Плюшкина! Хорошее имя, хорошая фамилия! И пела бы себе на здоровье, кому мешает? А то придумала – Камея...

– Да ты что, дед! – возмущенно поднял брови Антон. – Окстись! Да разве Катя Плюшкина у нас может быть певицей? Да пусть она хоть сто раз лучше поет, чем Монсеррат Кабалье и Мария Каллас, вместе взятые...

– А куда, куда эта Камея делась-то? Почему Леонку бросила? К другому, что ль, ушла?

– Она в Америку с продюсером сбежала, дед.

– Да уж, напасть... – вздохнул дед Иван и добавил грустно: – И чего они эту Америку так любят, а? Летят, как мухи на мед... И мать ваша тоже...

Он вдруг замолчал, будто спохватился, что сказал лишнего. Не принято меж ними было вспоминать мать с обидой или, не дай бог, худым словом. Хоть и обиняком, но сейчас нехорошо сказал... Будто поставил ее в один ряд с этой Катькой-Камеей.

Хорошо, что вернулся Лео, разрядив своим присутствием неловкую паузу. Тем более и вопрос задал такой, разрядке соответствующий:

– Что, про меня сплетничали, наверное? Да, дед?

– Почему сплетничали? Просто сказали как есть... – немного растерянно проговорил дед, пробежав глазами по лицам Антона и Платона. – Ты лучше скажи, Леонка, чего тебе от Машутки надо? Грусть-тоску перешибить хочешь, да? А вдруг она всерьез тебя воспримет да влюбится? Разве это честно по отношению к доброй хорошей девушке?

– Ой, дед... – поморщился Лео. – Давай я сам как-нибудь с добрыми и хорошими девушками разберусь, ладно?

– М-м-м... Девушки бывают разные... – тихо пропел Антон, глядя на Лео. – Черные, белые, красные... Наша-то какая, а, Лео? Черная, наверное. По сезону. Загорелая то есть. А зимой белая будет.

– Эх, вы... – досадливо повел рукой дед. – Заматерели вроде, а ума не набрались, все на смех сводите. А я с вами серьезно разговариваю, неслухи. Тебе-то, Антоха, уж стыдно по возрасту все к смеху сводить, ты ж старший! Значит, умнее должен быть, серьезнее!

– Ага, как в сказке про трех братьев! – живо подхватил Антон. – Первый умный был детина, средний сын и так, и сяк, третий вовсе был дурак! Первый, который умный, это я! Второй, стало быть, который так и сяк – это Платон. А третий... Кстати, дед! Давно у тебя хочу спросить! Почему мама его таким странным именем назвала – Леон?

– Так она хотела, чтоб складно было. Говорила, если назвать складно, то и жить будут так же дружно и складно. Вот и вышло – Антон, Платон и Леон... А как еще было назвать? Не Агафон же! Нет, не хотела Танька Агафона. Думала, думала, и ничего лучше, кроме Леона, не придумала.

– Понятно... – тихо пробурчал Антон, – хотя этому обормоту имя Агафон больше бы подошло... Может, не рванул бы в богему, а дело бы себе выбрал в соответствии с именем. Ну какая из него богема, дед? Ну ты посмотри на него, посмотри!

– Антоха, ты точно сегодня допросишься, по уху схлопочешь! – рассердился вдруг дед, глянув на спокойного и улыбчивого Леона.

Хотел еще что-то сказать, но из дома вышла Маша, принялась развешивать на веревке остатки белья. На сей раз она была в шортах, которые мало чем отличались от линялых купальных трусиков, и в клетчатой рубашке, завязанной в узел под грудью.

Покончив с бельем, Маша весело глянула на всю компанию. И также весело предложила:

– Давайте, я ужин приготовлю? Салатик нарежу, картошки пожарю... Дядя Ваня, где у вас картошка? Вы только скажите где, я сама найду...

– Шла бы ты лучше домой, Машутка... – помолчав, тихо предложил дед Иван. – Неровен час, Маргарита сюда заявится, веревкой тебя отхлещет. И нам тоже перепадет... Скажет,

совратили девку, отвадили от родного дома... Уж пятый день пошел, как ты днюешь и ночуешь тут!

– Ну что ты ... – также тихо прокомментировал деда Антон, – если кому и перепадет, так этому счастливчику... – кивнул он в сторону Лео, – а нам перепадать не за что, не виноватые мы...

Дед, не расслышав его насмешливой интонации, тут же горячо возразил:

– Это ты Маргариту не знаешь, Антоха! Она баба норовистая! Если ее понесет, разбиться не будет, кто прав, кто виноват! Я думал, она еще раньше прибежит...

– Не прибежит, дядь Вань, – грустно покачала головой Маша, – не бойтесь. Зачем она сюда побежит? Ей чем дольше меня в доме нет, тем лучше.

– Ну, скажешь тоже...

– Правда, правда! А зачем я ей, сами подумайте! Только глаза мозолю...

– Ну, не надо уж так, Машутка, чего ты! Оно понятно, что мачеха, и все же... Я слышал, бабы говорили, вроде ладили вы...

– А чего мне с ней, драться? – сердито дернула загорелым плечиком Маша. – Живут они с отцом, и пусть живут, а ко мне пусть не лезут. Я ведь к ним не лезу, правда? Я бы с любой другой мачехой ладила, мне все равно... Если от этого зла не убежишь, надо научиться с ним уживаться, только и всего. Так я картошки пожарю на ужин, дядь Вань?

– Ладно... Делай что хочешь, – дед Иван безнадежно махнул рукой. – Картошка там, в чулане, в плетеной корзине под рогожкой, сама увидишь.

Маша кивнула, деловито направилась в дом, придерживая у бедра пустой таз.

– Хозяюшка! – тихо проговорил ей в спину Платон. – Хорошая какая девочка, и рубашечки простирнула, и ужин приготовит... Не жизнь, а сплошной санаторий! Сервис ненавязчивый, можно сказать, благотворительный... Особенно для нас с Антохой. Правда, Антоха?

– Правда, правда, – быстро согласился Антон. – Повезло нам с тобой, Платоша. Крупно повезло.

Лео сидел молча, никак не реагируя на явно насмешливую тональность сказанного, улыбался вполне благодушно. Казалось, он их вовсе не слышал, думал о чем-то своем.

– И правда, Леонка... Нехорошо как-то получается... – вставил свое слово дед. – Не морочил бы ты голову девчонке, а? Пусть бы домой шла... Ну сам подумай, что дальше-то будет?

– А что будет дальше, дед? – озадаченно спросил Лео, чуть приподняв брови.

– А сам не понимаешь, да? Побалуешься с ней, уедешь, а она тут будет тосковать... И без того у девки жизнь не очень веселая, с мачехой-то! Тем более совсем недавно мать схоронила! Отец ее, Павлуша Майдалин, как жену похоронил, и месяца бобылем не проходил. Маргаритка его вмиг окрутила! Шустрая баба, эта Маргаритка, не баба, а крутой кипяток! Уж не знаю, каково Машутке с ней...

– погоди, погоди, дед... – нетерпеливо перебил его Платон. – Выходит, фамилия у нашей Маши тоже Майдалина?

– Ну да... – пожал плечами дед. – А какая еще должна быть фамилия?

– Хм... Очень забавно, очень. Выходит, она Мария Майдалина?

– Ну да... И что в этом забавного, не пойму?

– Ну как же, дед... Ты только послушай... Мария Майдалина! Звучит-то как! Почти Мария Магдалина!

– Да, действительно... – подхватил Антон. – Теперь ты понял, Платоша, с кем мы дело имеем? Теперь понятно, почему она в первую же ночь в койку к Лео прыгнула! А выпрыгнув, начала смиренно рубашки стирать и стряпать хлеб насущный... Не только для Лео – для всех...

– Язык-то не отсохнет богохульствовать? – сердито проворчал дед, глядя исподлобья на внука. – И откуда в тебе столько яду скопилось, Антоха? Точно ведь раньше таким не был... Это все Танькины американские деньги, будь они неладны... Они вас испортили...

– Да мы ж не богохульствуем, дед, что ты! – приложив ладони к груди, начал насмешливо оправдываться Антон. – Наоборот, мы счастьем брата радуемся!

– Знаю я, как вы радуетесь... Побалуетесь, посмеетесь и уедете! А влюбленная девка тут останется! Хоть бы совесть поимели, поганцы!

– Да мы-то почему поганцы? Она ж Лео предметом для своей любви выбрала, ему и отвечать! – парировал Антон, разведя руки в стороны.

– Ну да, ответит он... – грустно вздохнул дед. – Ты сам знаешь, какой с него спрос... Вишь, сидит, улыбается! Будто не про него речь! Ой, боюсь я, боюсь... А вдруг Машутка и в самом деле в него влюбиться успеет? Да чего говорить, уж успела поди... Если на все решилась... Она ведь не такая, чтобы с первым встречным в койку прыгать, я ее знаю! Она честная девушка! Душевная, умная, с переживанием!

– Ничего, дед, не отчаивайся, – попытался успокоить деда Антон. – Тоже нашел о чем горевать! Как влюбится, так и разлюбит, подумаешь. У нынешних девушек это все просто происходит, они сами знают, какую кнопку в себе нажать. Когда надо – полюбят, когда надо – разлюбят. Не переживай...

Лео вдруг рассмеялся тихо, будто только очнулся и успел прислушаться к разговору. Все глянули на него удивленно, и Лео снова рассмеялся, потом спросил весело:

– Значит, вы все за меня решили, да? Что ж, спасибо, братцы... Все варианты предусмотрели и деда успокоили... А о том не подумали, к примеру, что, может, я Машеньку с собой заберу? А? Как вам такой вариант? Может, мне как раз не хватает такой вот любви...

– Это какой же, интересно? – почти зло спросил Платон, и Антон глянул на него удивленно.

– А такой... – пожал плечами Лео. – Такой, над которой вы потешаетесь, сами того не понимая, что это всего лишь зависть скрипит на ваших зубах, как песок.

– Ой, давай без аллегорий, ладно? – весело рассмеялся Антон. – Уж поверь, на меня твои аллегории не действуют, я ж не девушка Маша родом из Камышей, слюни пускать не стану.

– А ты уже их пускаешь, злые и тягучие... Потому что завистливые. Завидовать надо молча, братец.

Антон хотел возразить, но его перебил Платон, проговорил насмешливо, но с нотками веселого вызова:

– Лео, не перегни палку, а? Ты же знаешь, как Антоха вполоборота заводится. И впрямь, будь аккуратнее в аллегориях. Или ты считаешь, что я тоже завидую?

– И ты завидуешь. Разве не так?

– Да брось... Чему я завидую? Что девушка Маша в тебя влюбилась, а не в меня?

– Да при чем здесь Маша... – слегка поморщился Лео. – Вас не сама по себе Машина влюбленность злит, а то, что у вас ее на данный момент не имеется. Вообще не имеется. Ни в каком виде.

– У меня не имеется?! – то ли зло, то ли весело переспросил Платон. – Ни в каком виде, говоришь? Ну, это ты зря, между прочим... Да ты же сам знаешь, что у меня этого добра завались. Хоть на сторону излишки отдавай. Причем она у меня в нормальных условиях присутствует. В домашних и комфортных...

– Это ты про свою Вику, что ли?

– Да, про Вику. Про кого ж еще? Да эта твоя Маша и рядом с Викой не стояла... Глаз-то раскрой, счастливчик ты наш!

– Ну да, ну да... Не стояла, это да... – медленно покивал Лео, потом тихо и также спокойно произнес: – А ты, Платоша, попробуй своей Вике сказать, что разорился. Что контора

твоя адвокатская на грани закрытия, что мама денег больше не даст. Попробуй, чего ты! Вот тогда и увидишь свою Вику во всяких условиях. И в домашних комфортных тоже.

– Значит, ты считаешь, что моя Вика... – завелся Платон. – Что она...

– Да ничего я не считаю, Платон, – горько ухмыльнулся Лео. – Ты же прекрасно понял, о чем я говорю.

– Ну, знаешь...

– А может, и моя Ольга по расчету за меня замуж вышла, а? – вклинился в разговор Антон, жестом остановив готового возмутиться Платона. – Может, она тоже корыстная, а я и не знаю? Ты уж и мне заодно глаза раскрой, братец!

– Нет, Антон. Твоя Ольга просто идеальная жена. В том смысле, что скучная и правильная, и в меру расчетливая. Ее корыстолюбие в глаза не бросается, но оно уже вплетено в механизм скуки и правильности, понимаешь? Органично вплетено... И еще неизвестно, как бы себя повела твоя Ольга, если бы попался на ее пути другой механизм, более состоятельный, чем ты...

– Нет, ты посмотри, а? – хлопнул по столешнице ладонями Платон. – Посмотри, как он нас на составляющие разложил, поганец! А сам-то ты к чему пришел, а? В свой законный тридцатник – к чему пришел? Какое ты право имеешь учить нас жизни?

– А я разве учу? – вяло приподнял плечи Лео. – Я не учу, я девушку от ваших нападок защищаю. И ее, и себя заодно. Да, все хотят, чтобы их любили бескорыстно, чтобы в койку прыгали очертя голову, не думая о приличиях, да только мало кому такое счастье выпадает...

– А тебе, стало быть, выпало?

– Да, а мне выпало. И я еще раз повторюсь – завидуйте молча, пожалуйста. И в Машу свою зависть не выплескивайте, лучше спасибо скажите, что она вам рубашки стирает и ужин готовит. Обычное человеческое спасибо. По-моему, это не так уж и трудно.

– Да ты совсем проникся Машиной добротой, я смотрю... – задумчиво проговорил Антон. – Так проникся, что, может, и впрямь за собой ее потащишь? Ведь не потащишь, нет? Не захочешь такого счастья, я думаю?

– Не знаю... – пожал плечами Лео. – Поживем – увидим...

– А на «поживем – увидим» у тебя, между прочим, всего три дня осталось, – жестко произнес Антон. – Сам понимаешь, что билеты на самолет уже ни за какие деньги не поменяешь, курортный сезон в разгаре. А на частный самолет ты пока не заработал, насколько я знаю. Ты к своему тридцатнику вообще ничего самостоятельно не заработал. Так что...

– Некорректно себя ведешь, брат, – с предостерегающей интонацией заметил Лео.

– И в чем же я веду себя некорректно? Не нравится, что на место тебя ставлю? Тыкаю носом? А так тебе и надо, сам напросился! Смотри-ка, философию развел, в глубину решил копнуть. Кто кого да за какие дела любит! Не стоит искать глубину, братан, там, где ее нет! Да и твоя Маша... Подумаешь, подарок, бескорыстием одарила! Да она просто не сообразила вовремя... Мы ж втроем на пляже к ней подкатили, а она тебя выбрала только потому, что ты молод и красив... А если бы подумала да пригляделась – не видать бы тебе никакого бескорыстия, это уж я точно тебе говорю...

Лео не успел ответить брату – в дверях дома показалась Маша, с улыбкой прошла по двору, заглянула под навес:

– Ужинать на воздухе будем, да? Такая картошка вкусная получилась! Поджаристая! И салат... Еще там курица в духовке, почти готова...

– Да, тащи все сюда! – весело и немного виновато скомандовал Лео, отвечая улыбкой на Машину улыбку. Мельком глянув на братьев, проговорил уже более уверенно: – А после ужина мы с тобой в Феодосию сгоняем, по набережной прогуляемся. Надоело мне общество этих завистников... – и, повернувшись к деду, спросил быстро: – Я твою колымагу возьму, ага?

– Бери... – махнул рукой дед Иван.

– Неужели не погнушаешься дедовым «жигуленком»? – тихо, но с прежней саркастической ноткой в голосе спросил Антон.

– Не-а. Не погнушаюсь, – весело ответил Лео. – Десять минут позора, и мы на набережной... Правда, Маш?

* * *

На набережной было уже многолюдно – отдыхающие вышли на вечерний променад. Нарядная толпа лениво фланировала вдоль парапета, игнорируя вкусные запахи, исходящие от многочисленных кафе и кафешек. И это было вполне объяснимо – народ в летнюю Феодосию съезжался в основной массе небогатый. В обеденное время предпочитал дешевые столовки, а отужинать норовил в домашних условиях, чем бог послал. А после ужина – пожалте на этот самый променад, за который денег платить не надо. Не сидеть же весь вечер дома?

Маша тоже нарядилась, как сумела. Сарафан на ней был легкий и пестрый, и, как про себя отметил Лео, фасончик его давно вышел из моды. Помнится, очередная его подружка носила такой сарафан лет пять назад... Но это было совсем, совсем не важно. И даже наоборот, Маша ему очень нравилась в этом сарафане. Казалось, природная грация девушки вообще отвергает это понятие – модно или не модно, плюет на него с высокой колокольни. И даже линялая тонкая ткань, когда-то голубая, а теперь почти выбеленная под солнцем, удивительно красиво сочеталась с ядреным золотистым загаром девушки. Лео даже попытался прокомментировать это странно удачное сочетание цвета, поправив на плече Маши тонкую бретельку:

– Вот ведь... Никогда не знаешь, как и откуда выплеснется такое удачное сочетание красок... Когда б вы знали, из какого сора...

– Это ты про что? – спросила Маша, глянув на него доверчиво.

– Тебе очень идет этот сарафан, – простыми словами объяснил Лео. – Ты в нем необыкновенная.

– Да ну... – небрежно махнула рукой Маша. – Я в этом сарафане дома хожу, его давно выбросить пора. Ты не думай, у меня есть красивое платье, но за ним домой надо идти... А мне домой не хочется, там Маргарита скандалить будет.

– Что, сильно достает?

– Да нет, в общем... – пожала плечами Маша. – Она ничего, нормальная, только командовать очень любит. Иногда и нет причины командовать, а она все равно голос повышает. Что делать, натура такая. Наверное, она в прошлой жизни полководцем была. Да все бы ничего, я бы вполне философски к этому относилась, но она ведь и отцом командует! Пошел туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что! Шаг вправо, шаг влево – расстрел...

– И он что? Исполняет все ее приказы?

– Ну, не то чтобы исполняет... – вздохнула Маша. – Понимаешь, он мучается этими приказами. Характер у него мягкий... Вроде иногда и на место надо Маргариту поставить, но не хочется ему силой свой дух бодрить. Когда силой – это уже неправильно, ведь так? Это ведь не семейная жизнь получается, а будто театральная постановка?

– Ну да... – не совсем поняв, о чем идет речь, протянул Лео. – Может, и так...

– А еще я знаю, что он по маме сильно горюет... – призналась Маша. – И с Маргаритой не связывается потому, чтобы тихо горевать не мешала.

– И все-таки странно, Маш... Зачем ему в принципе такая жена, которая горевать мешает? Зачем он ее в дом привел?

– Он не приводил, она сама пришла. Сказала, что мы без нее пропадем. Заявилась в одно прекрасное утро с чемоданом, с узлами и выдала с порога – пропадете без меня! Глаза мои больше глядеть не могут, как вы пропадаете!

– А вы что, и впрямь пропадали?

– Да нет, конечно! Я ж говорю – она в прошлой жизни полководцем была! Вот и в данной ситуации свою тактику ведения боя разработала! С одной стороны, вероломно напала и территорию захватила, с другой – вроде как доброе благородное дело сделала, – с болью в голосе сказала Маша и махнула рукой: – Да ну, не хочу о ней говорить...

– Не хочешь, так и не будем, ладно, – согласился Лео. – Может, в кафе посидим?

– Не хочу... Давай лучше к морю пойдем, сейчас на пляже почти никого нет. Я знаю одно уютное местечко, где на камнях сидеть удобно, они такие теплые и гладкие...

– Что ж, идем.

Уютное местечко представляло собой пару гладких больших валунов, на которых можно было вполне комфортно усесться вдвоем – один камень был больше по размеру и подпирал собою другой, так что получалось что-то вроде скамьи. У ног тихо плескалось море, закатная солнечная дорожка дрожала рябью, приманивая к себе припозднившихся купальщиков.

Маша скинула босоножки и устроилась на камне, поджав ноги и обхватив колени руками. Вздохнув, проговорила тихо:

– А у нас в Камышах море красивее, правда? И пляж лучше... Здесь галька серая, никакая, а у нас песок... Помнишь, как он светится на солнце? Не зря наш пляж Золотым называют... Мне кажется, и воздух у нас другой. И дорога с пляжа через камыши... Идешь, а они шуршат, будто разговаривают о чем-то, шепчутся...

– Да уж, – согласился Лео, – местечко весьма романтическое, согласен. А золотой песок и заросли камышей – особые достопримечательности. Но народ все равно Феодосию предпочитает, хоть и пляжи здесь не такие удобные.

– Да ничего не понимает твой народ... Едут из своих душных северных городов, чтобы снова попасть в такой же душный город, только южный...

– А ты была когда-нибудь в северном городе? – спросил Лео.

– Нет. Я дальше Крыма нигде не была. Я обыкновенная серая мышка, которая выросла на окраине южного города. Ничего во мне особенного нет... Я даже не понимаю, с какого перепугу вы вдруг ко мне подкатили на пляже – втроем... Помнишь?

– Помню, конечно. И зря ты так говоришь, никакая ты не серая мышка. Мы долго за тобой наблюдали, между прочим, да... Как ты из моря выходишь, как на песке лежишь, как мороженое ешь...

– Да? – удивилась Маша. – А я не замечала...

– Так и мы тоже ненавязчиво наблюдали, – улыбнулся Лео.

– Развлекались, да?

– Ну... Можно и так сказать.

– А почему решили подкатить?

– Не помню уже... Это Платон такую идею подал, а мы подыграли. Почему бы, говорит, нам не познакомиться с этой юной нимфой?

– Значит, это Платон... – пригорюнилась Маша. – А ты, значит, за компанию...

– Ну да. Я до сих пор удивляюсь, почему ты меня выбрала. Я ж молчал в основном, когда Платон тебя охмурял, а Антон ему поддакивал.

– Да помню, помню...

– И все же, Маш? Почему ты меня выбрала?

– Я не выбирала. Выбирают, когда сомневаются, какой вариант лучше. Не надо было мне никаких вариантов. Я просто сразу все поняла про тебя и про меня...

– И что ты поняла?

– Что я нужна тебе, – просто сказала Маша. – Именно я. Именно тебе.

– Ты меня пожалела?

– Нет, что ты... Хотя да, может, и впрямь пожалела.

– Ты увидела причину для жалости?

– Нет, все не то, Лео, не то... Понимаешь, у тебя глаза были такие... Вроде насмешливые и веселые, а за весельем такая грусть, что мне аж сердце резануло. Я сразу поняла, что нужна тебе.

– Значит, все-таки пожалела? – не унимался Лео.

– Нет. Я тебя полюбила.

– Что, так сразу и полюбила?

– Да. А что здесь такого? Разве не бывает, чтобы вот так, сразу? И знаешь, как моя мама говорила? Женская любовь – это и есть жалость.

– Да уж, довольно странное утверждение, – нахмурился Лео. – Не думаю, что твоя мама была права. По крайней мере, я особой жалости не наблюдал у тех, кто меня любил. И сам жалостью никогда не страдал.

– Да ты просто никогда об этом не задумывался, Лео! – воскликнула Маша. – Жалость к человеку чувствуешь не оттого, что он жалкий, а оттого, что сердце навстречу болит и помочь очень хочется, если даже помочь не можешь! Я ведь даже не спросила ни разу, отчего у тебя глаза такие грустные, правда? Не спросила, но знаю, что в тебе много, очень много грусти... И растерянности... И что тебе очень больно, и не знаешь куда идти... Я все это очень чувствую, Лео...

Лео ничего не ответил, только чуть приподнял бровь и слегка улыбнулся. Со стороны это выглядело так, будто откровения девушки его забавляют, и даже есть необходимость снизить их градус... Деликатно так, хотя и надо бы успеть насладиться этими откровениями... Кому ж не понравится, когда юная девушка так искренне в своих чувствах признается?

Вздыхнув, он обнял Машу за плечи, слегка встряхнул. Наклонившись к уху, проговорил тихо и ласково:

– Странная ты, Маша. Даже не знаю, что ответить на твой порыв. Я понимаю, что он довольно искренний, но... Не верю я в женские искренние порывы, уж прости меня. Нет, я не хочу тебя обидеть, не думай... Может, просто сейчас время такое, а ты с ним не совпадаешь... Может, этот морской берег и впрямь родил новую Ассоль... Кто знает, кто знает? В любом случае не обижайся на меня, пожалуйста, ладно?

– Я не обижаюсь, – мягко улыбнулась Маша. – Ты просто жизни не знаешь, Лео.

– О-па! – захохотал Лео. – Это уже что-то новенькое. Я не знаю жизни? А ты, выходит, ее больше меня знаешь?

– Да, я знаю больше, – уверенно проговорила Маша. – Потому что я умею чувствовать. Потому те женщины, которые у тебя были, никогда тебя по-настоящему не любили.

– То есть не жалели меня, ты хочешь сказать?

– Да. Не жалели. Они были злые. Они думали только о себе.

– А ты, значит, добрая, да? – ехидно прищурился Лео.

Но Маша не заметила его ехидства и кивнула:

– Да, я другая.

– И ты готова любить всех, кому очень грустно, кому очень больно и кто заблудился в этой жизни? Но ведь таких очень много, Маш... Куда ни плюнь, сразу в заблудшего попадешь. А они особо до женской жалости бывают охочи, заблудшие-то. Одна вот такая тоже любила всех, Марией Магдалиной ее звали. Потом пришлось от семи бесов ее излечивать.

– Ну зачем ты так... – сдерживая подступившие слезы, проговорила Маша. – Ты же прекрасно все понял, что я хотела сказать... Что я одного тебя люблю... Да, люблю! И прямо говорю об этом! Люблю...

– Но ведь ты меня совсем не знаешь, Маш! Мы знакомы всего три дня!

– Нет, я давно тебя знаю. Я еще девчонкой была и всегда ждала, когда ты с братьями к дяде Ване приедешь. Но ты раньше был другой, не было в глазах такой грусти... Даже четыре года назад, когда последний раз приезжали, ты был другой...

– Четыре года? – переспросил Лео. – Надо же, подсчитала... Действительно, четыре года не приезжали. Постыдно редко стали к деду выбираться, да.

– А он вас так всегда ждет... И я тоже ждала. Я раньше за вами тайком из-за забора наблюдала. Нет, правда, ты тогда другой был! И длинных волос у тебя не было... Тебе не идут длинные волосы, зачем ты их отрастил?

– Как это – зачем? Я ж художник, мне положено! – насмешливо проговорил Лео, возмущенно откинув голову назад. – Да и вообще... Пора было как-то остепениться к возрасту, или бороду отрастить, или буйную гриву. Можно, конечно, и то и другое, да очень хлопотно. И жарко, надо признать...

– Тебе ведь сейчас тридцать лет, да? – спросила Маша.

– Точно, – кивнул Лео. – Тридцать недавно исполнилось. И все-то ты знаешь, проницательная девушка Маша!

– Да, я все про вас знаю... Тебе тридцать, Платону тридцать пять, Антону сорок.

– Ага. Мама нас через каждые пять лет рожала. Если бы наш отец не умер, еще бы пару братишек нам родила. Зато новый ее муж, американец, детей вовсе не захотел. Да и нас тоже не захотел. И его можно понять – не все любят чужих детей. Вернее, очень редко случается, чтобы какие-то люди приняли чужого ребенка, как своего. Чтобы без показухи, без фальши. По-моему, гораздо честнее женщине правду сказать – ты, мол, нужна и любима, ну а дети твои – извини... На них духовного и душевного ресурса не хватит. Выбирай, или я, или дети.

– О боже, ужас какой... – прижала пальцы к губам Маша. – И ты хочешь сказать, что ваша мама выбрала этого американца, да? А вас не выбрала? Она что, больше его любила, чем вас?

– Нет, не больше. Просто мама другими критериями руководствовалась, когда выбирала.

– И какими же?

– Ну... – задумавшись, проговорил Лео. – Она решила обеспечить нам хорошее образование, хорошую безбедную жизнь, дать основу для становления бизнеса. Да мало ли...

– То есть откупиться от вас деньгами американского мужа?

– Не говори глупостей, Маша. – Лео неожиданно для себя разозлился. – Никогда не говори того, чего не понимаешь и не осознаешь до конца. Потому что у каждого бывает свой выбор, каждый видит счастье ребенка в своем собственном ракурсе. Мама так решила, и мы ее выбор никогда не осуждали.

– Но ведь она вас бросила... – грустно сказала Маша. – Тебе сколько лет было, когда она уехала?

– Ну, пять... – произнес с неохотой Лео. – Платону десять, Антону пятнадцать. И не бросила, а оставила на попечение деда, а это разные вещи. И мы разговаривали с ней по телефону чуть ли не каждый день. И ни в чем не нуждались материально. А дед нас очень любил, хоть и строгий был воспитатель, у него не забалуешь. И ничего, выросли, как видишь. Все образование хорошее получили, Антон и Платон благодаря деньгам маминого мужа – еще и возможность начать свой бизнес. Платон свою адвокатскую контору открыл, Антон – строительную фирму. А мне мама мастерскую купила, и это недешевое удовольствие, знаешь... Прекрасная мастерская, между прочим. О такой только мечтать можно. Многие художники и к концу жизни на такую мастерскую заработать не могут... Нет, мы на мать не в обиде, если честно. Если б она не уехала, тянули бы вместе одну лямку... – вздохнул Лео. – Деньги в нашей жизни – далеко не последнее дело, Машенька.

– Нет, – отрицательно покачала головой девушка из Камышей. – Любовь важнее денег. Даже и сравнивать нельзя.

– Ну, это кому как...

– Да всем так. Просто ты убедил себя в обратном и живешь с этим. А на самом деле очень нуждаешься в любви. Ее в тебе так мало, просто ничтожная капелька! Неоткуда ей было взяться, понимаешь?

– Да отчего же? Меня мама любила, хоть и на расстоянии, меня дед любил... И женщины меня любят, грех жаловаться. О какой ничтожной капельке ты говоришь, Маша?

– Не хватило тебе любви, Лео. Маминой любви. Ты сам это чувствуешь. И оттого тебе плохо. Ведь плохо, правда?

– Все-то ты про меня знаешь, а? Все понимаешь! – уже раздраженно произнес Лео, убиравая руку с плеча девушки и сердито глядя вдаль. – Самой-то не страшно от избытка знания да понимания?

– Нет, не страшно, – с уверенностью ответила Маша. – Не страшно, потому что я права. И ты знаешь, что я права.

– Да ничего я не знаю и знать не хочу! И что, в конце концов, я тебе объясняю? Если ребенок свою мать никогда не осуждает, то и другие не имеют права. Уясни это правило раз и навсегда, может, пригодится!

– Да ты не сердись, Лео... – начала было Маша, но Лео ее перебил:

– Я сержусь? Я вовсе не сержусь. Просто никогда не надо брать на себя смелость рассуждать о вещах, в которых ты ничего не понимаешь. Мала еще, чтобы рассуждать, а тем более осуждать.

– Хорошо, я не буду, – быстро согласилась Маша. – Просто мне теперь стало понятно, отчего вы все такие. Отчего вас пожалеть хочется. И тебя, и Платона, и Антона.

– Маша! Не надо, а? – еще более сердито и холодно произнес Лео. – Не разочаровывай меня, пожалуйста. Такой перебор с искренностью уже не умиляет, а отторгает... И вообще, он больше смахивает на бесцеремонность, чем на искренность. Всегда нужно осознавать границу дозволенного и недозволенного, чужого и своего, понимаешь ты это или нет?

– Прости, Лео... – взмолилась Маша. – Я не хотела тебя обидеть! Правда не хотела. И ты прав, я иногда говорю, что думаю, а это неправильно, я знаю. И моя мама часто меня останавливала в моих порывах. Знаешь, как она меня учила? Мол, конечно, ты говори, что думаешь, но всегда думай, что говоришь... А я сейчас не подумала... Прости, Лео! Я не хотела!

– Да ладно... – тут же смягчился Лео. – Это ты меня прости, зря я на тебя наехал. Спасибо тебе за твою искренность, но все-таки... Давай мы как-нибудь сами разберемся, ладно? Разберемся, что для нас было важнее – каждодневная материнская близость или обеспечение материального благополучия. Тем более материнскую близость нам дед с лихвой заменил. По крайней мере, очень старался. Но уж как получилось, так получилось.

– Да, – закивала Маша, – дядя Ваня очень добрый. Я знаю.

– Ну! Дед у нас такой, не то слово, что добрый! Он вообще большой человечище! И вырастил нас, и в жизнь отправил! Когда увидел, что мы в его опеке больше не нуждаемся, вернулся в свои Камыши и живет себе дальше, как жил... И ничего ему от жизни не надо, никаких благ... Знаешь, я завидую ему иногда по-черному! Так любить свое место, так быть к нему счастливо привязанным... Такое счастье не каждому дано.

Лео снова обнял Машу за плечи. Улыбнулся и с облегчением вздохнул, будто обрадовался, что тема разговора так удачно перетекла в безопасное русло.

Они молча посидели несколько минут, а потом Лео тихо продолжил:

– Да, он вернулся, а мы теперь к нему ездим... Хоть раз в три-четыре года, но бросаем все дела и выбираемся, и сидим несколько дней в Камышах. И слушаем, как шумят камыши, прости за тавтологию. Да, камыши во всех ипостасях – это святое, это незыблемое. Шуме-е-ел камы-ы-ы-ыш, деревья гнулись... – нарочито гнусаво затянул он, покачиваясь на месте, и Маше ничего не оставалось, как тоже покачиваться, следуя за рукой Лео, обхватившей ее за плечи.

– Ты так говоришь, будто тебе не нравится к деду ездить... – повернув голову к Лео, тихо произнесла она и тут же пугливо прикрыла рот ладошкой, будто испугалась, что опять сказала что-то неправильное.

– Почему же не нравится? Очень даже нравится... – серьезно ответил Лео. – Во-первых, никогда не знаешь, что тебя в этом путешествии ждет, какая встреча... А во-вторых, я вполне искренне скучаю по деду. Он у нас просто замечательный, общаться с ним – сплошное удовольствие.

– Да, дядя Ваня такой... Мой папа, к примеру, его очень уважает. И мама тоже уважала... А еще дядя Ваня нам помогал, когда мама болела, дорогие лекарства покупал. Такие дорогие, что мы сами ни за что бы таких денег не собрали. А он молча приходил, брал рецепт и уходил. А потом лекарства приносил. И даже благодарить себя не разрешал, сердито отмахивался. Только негодились лекарства, мама все равно умерла...

Маша отвернулась, тихо шмыгнула носом, и Лео почувствовал, как напряглись под рукой плечи девушки. Он торопливо спросил первое, что пришло в голову:

– Тяжело без мамы, да?

Наверное, не надо было спрашивать. Тем более с таким старательным сочувствием. От такого старания минута слабости всегда набирает силу и начинает руководить горестной эмоцией, взращивать ее до слезной верхней ноты.

Так и с Машей случилось. Она вздохнула, чтобы выскочить из горестной эмоции, а на выдохе не сдержалась и заплакала, тихо, будто стесняясь и не поворачивая к Лео головы.

– Машенька, не надо... Не надо плакать... – неловко забормотал он, поглаживая ее по плечам. – Ну что ты, Машенька... Это я дурак, пристал со своими вопросами...

– Нет, ты не дурак, Лео! – повернулась к нему Маша, улыбаясь сквозь слезы. – Ты вовсе не дурак. Потому что... Потому что я тебя люблю! Я тебя очень люблю...

– Маш, да я обалдуй, каких мало! Я бездельник, а не художник! Я не живу, я проматываю мамины деньги! В конце концов, я обыкновенный бабник! – воскликнул Лео.

– Ну и что? Я люблю тебя, Лео.

– Нет, я тронут, конечно, но... Ты меня просто придумала, тебе не кажется? И любовь свою придумала. Я вовсе не тот, кого ты придумала, Маша...

– Да мне все равно, какой ты! – заявила девушка. – И я ничего не придумала! Ну почему, почему ты мне не веришь?

– Я верю, верю! – торопливо закивал Лео. – Но мне и в самом деле как-то неловко, будто я тебя обманываю... Как в пьесе какой играю, где честная наивная героиня полюбила коварного обормота. Я недостойн твоего светлого чувства, Машенька. Фу, черт... И сказал-то как в дурной пьесе!

– Да почему?! Почему ты недостойн?

– Потому! – в сердцах крикнул Лео. – Потому что я никто, понимаешь? Я ничего не умею. Из меня ничего не получилось. Я хотел быть художником, а на самом деле я никто. Потерянный бесталанный человек, воздушный шарик, лечу по ветру, сам не знаю куда. Это не я свой ветер поймал, это ветер меня поймал, понимаешь?

– Нет... – из стороны в сторону качнула головой Маша. – Про ветер я не поняла...

– Ну, как бы тебе объяснить... Каждый художник должен поймать свой ветер. Уцепиться за него и лететь. То есть работать в своей нише, в своем ключе. А я не смог. Нет у меня своего ветра. И я тебе еще раз повторяю, Машенька, я никто, я просто воздушный шарик, я бездельник, проживающий мамины деньги. В тридцать лет жить на мамины деньги – это, знаешь... Это слишком даже для самого последнего обалдуя и обормота... И вообще, закроем тему, ладно? Давай так – ты мне про любовь не говорила, а я тебе ни в чем таком не признавался. Хорошо? Договорились?

– Но я правда очень тебя люблю... – пробормотала Маша. – Твои признания ничего не меняют, даже наоборот...

– Эх, Маша, Маша. Радость ты наша, – бодренько хлопнул себя по коленкам Лео. – Пойдем-ка мы лучше вина с тобой выпьем. Я знаю одну харчевню, где наливают очень приличного домашнего вина. Пойдем, тебе понравится. Тут недалеко...

– погоди, Лео! – забеспокоилась Маша. – Какое вино, что ты! Ведь ты за рулем!

– Ой, я тебя умоляю, Машенька... Не надо так пафосно выражаться про дедов «жигуленок» – за рулем! Да я в родные Камыши от набережной и с завязанными глазами доеду... Или ты испугаешься ехать со мной?

– Нет, что ты...

– Тогда идем?

– Да, идем... Только совсем чуть-чуть вина выпьем, ладно?

– Ага. Пять стаканчиков на одно рыло – и хватит, – хохотнул Лео. – Не бойся, шучу...

* * *

Со двора дома прилетел в комнату чей-то голос, и дед Иван с досадой открыл глаза – только-только задремал на своем топчане...

– Дядь Вань, ты дома? – снова слышалось со двора.

Пришлось вставать, натягивать рубаху, плестись к двери. Посреди двора стоял Павлуша Майдалин, улыбался неловко.

– Я тебя разбудил, дядь Вань? Прости, не хотел.

– Да ладно... – махнул рукой дед Иван. – Какой сон на закате, только голова потом будет болеть, и все. И бессонница ночью замучит. Разбудил, и хорошо, и ладно. Чего пришел-то? Просто в гости или дело какое есть? Хотя чего я спрашиваю, и без того понятно...

– Да, мне бы потолковать с тобой надо, дядь Вань...

– Что ж, пойдем, сядем да потолкуем, если надо. Иди под навес, я сейчас до ветру прогуляюсь и приду.

Это он так в одну секунду придумал, что до ветру прогуляться, мол, надо. Никуда прогуливаться ему вовсе не приспичило, просто передых надо было взять перед разговором. Ясно же, о чем Павлуша толковать станет. О Машутке. А чего, чего с ним, стариком, толковать? Чего он может-то? Розгами Леонку отхлестать за непослушание? Пальцем погрозить да в угол поставить? Э-эх...

Когда он вернулся, Павлуша сидел на самом краешке скамьи, согнув спину и сложив ладони меж коленок. Тоже переживает, наверное. Отец как-никак.

Да, отец, но все равно неказистый какой-то. Малахольный. И глаза всегда такие убитые, будто весь белый свет ему в тягость. Прозрачные, с едва заметной тоскливой голубизной, и все время вверх куда-то смотрят, будто на небесах благодати ищут, а от земного житья убегают. Ей-богу, блаженный. Оттого и Павлуша в свои сорок пять, а не Павел, и даже не Пашка.

– Пива хочешь, Павлуша?

– Ну, плесни немного... Посижу тут у тебя, отдохну в тишине. У нас же семья отдыхающих живет, детей у них много, целый день шастают туда-сюда, туда-сюда... Никакого покою нет.

– Вы ж вроде раньше не пускали к себе отдыхающих... Вроде и без того домишко не ахти.

– Мы с Любашей не пускали. Жили себе и жили, до лишних денег и неохочи были. А Маргаритка все решила по-своему... Поживем, говорит, в летней кухне, а в дом курортников пустим, лишняя копейка не помешает. Разве с ней поспоришь? Решила и постановила, и обжалованию не подлежит. Так и ютимся теперь в летней кухне.

– Понятно...

– Да, вот такие дела, дядя Ваня, – тяжело вздохнул Павлуша. – А пиво у тебя вкусное. Видать, не наше, не крымское.

– Да это немецкое вроде... – подтвердил дед Иван. – Вишь, на бутылке по-немецки написано...

– Дорогое, поди?

– Не знаю. Может, и дорогое. А только наше крымское нисколько не хуже будет, вот что я тебе скажу.

– Твои, что ль, таким пивом балуются?

– Мои... – подтвердил дед Иван, подливая Павлуше в кружку. – Брезгуют нашим, крымским, воображают... Как нынче модно говорить, понты кидают, ага. Хоть бы здесь от этих самых понтов отдохнули, так нет ведь! Поганцы такие!

– А где они, поганцы твои?

– Купаться ушли. Жара спала, самый раз хорошо купаться. Теперь только по темноте вернутся.

– И Машутка с ними?

– Не... Машутка с Леонкой в Феодосию подались, по набережной прогуляться. Считаю, их тоже долго не будет.

– В Феодосию, значит... Понятно... А я хотел ее домой увести, дядь Вань. А она – в Феодосию... Опять Маргарита на меня ругаться станет...

– Ругаться, говоришь?

– Ну да. Ты ж знаешь Маргаритку, чуть что, сразу скандалить начинает. Пойди, говорит, и приведи свою блудную дочь, а то перед людьми стыдно. Совсем от рук отбилась. Даже непонятно, с кем из троих дяди-Ваниных внуков шашни закрутила, а то, может, со всеми тремя сразу. Каково мне все это, как отцу, слышать, а? Совсем баба распоясалась... Я ей слово – она мне два... Да ладно бы меня злыми словами стегала, а то ведь Машутку! Обидно мне, дядь Вань!

– Ну, понятно, что обидно... – тяжело вздохнул дед Иван, с жалостью глядя на Павлушу. – Да ты пей пиво-то, пей, не мозоль кружку в руках...

– Спасибо, дядь Вань. Добрый ты человек.

– Значит, плохо ты живешь с молодой женой, не складывается у вас... Не надо было тебе с ней связываться, Павлуша. Устоять надо было супротив бабской хитрости. До конца держать оборону.

– Да как против нее устоишь? Вы ж Маргаритку знаете! Пришла и заняла Любашино место, хозяйкой в доме себя объявила.

– Ну, ты ж мужик, Павлуша... Как же ты допустил...

– А что мне, драться с ней, что ли? Да она ж поначалу такая ласковая была, такая душевная... Когда Любашу на сороковой день поминали, она и стол собрала, и родню всю созвала, и подружек Любашиных, все честь по чести... А потом и сама в дом заявила. Говорит, сердце у меня об вас с Машенькой изболелось, ни есть, ни спать не могу, пропадете вы без моего пригляда! И так душевно это сказала, знаешь... Я и поверил, и киселем растекся. Думаю – чего мне еще, горе-вдовцу, надо... Да и Любашу все равно назад не воротишь, а тут хоть Машутка будет под женским приглядом, мало ли что... Я ведь отец, я по женским делам ничего не соображаю. Думал, как лучше будет, а оно вон как вышло!

– Что, не ужилась Маргарита с Машуткой?

– Да не то слово. То так ее цеплять начинает, то этак. Ясное дело – завидует.

– Кто кому завидует? Маргарита Машутке?

– Ну да...

– Да брось... Это с чего бы?

– Она Машуткиной молодости завидует. Иногда глядит на нее, глядит... А потом как взъерепенится по пустяку! То посуду плохо помыла, то пыль не протерла... Опять же любовь у Машутки образовалась, тоже Маргарите как поперек горла.

– Хм, любовь... А у Маргариты у самой-то что, не любовь разве? Вон как резво тебя охомутила!

– Да какая там любовь... – вяло махнул рукой Павлуша. – Образовался в одночасье свежий вдовец, вот и хапнула, пока другой бабе не достался.

– Так сам виноват, Павлуша. Сам виноват, если хапнуть себя разрешил.

Павлуша ничего не ответил, вздохнул, глянул смиренно своими прозрачными, будто вылинявшими до голубой тоски глазами, потом поднял кружку, задумчиво отхлебнул пива. Дед Иван тоже молчал, уже жалея, что выступил вперед со своим обвинением.

– Характер у меня мягкий, дядь Вань... – тихо прервал неловкую паузу Павлуша и снова вздохнул: – Сам знаешь, поди... Не первый день на одной улице живем... Да и как женщине откажешь, если она с ножом к горлу? Это уж совсем не по-мужски получается...

– Ну, если с ножом, тогда конечно! – многозначительно хмыкнул дед Иван. – Уж тут самому быть бы живу, если с ножом!

– Смешно я говорю, да?

– Да не смешно, Павлуша, не смешно... А только я все равно не знаю, что тебе посоветовать. Что тут еще скажешь? Если женился – живи. Что еще-то...

– Да понимаю я, что мне характера не хватит все назад повернуть. Вот знаю, что Маргарита меня не любит, а характера все равно не хватит. Не всем, видать, при рождении крепкие характеры выдают, кому-то и плохонький достается. И как это меня угораздило, чем господу прогневил...

– А ты сам-то? Совсем ее не любишь, Павлуша?

– Да как сказать... Вот Любашу-покойницу я любил, точно знаю. Она у меня душевная была, Машутка вся в нее. Ты ведь знаешь, какая у меня Машутка? Она ж такая... Последнюю рубаху с себя снимет, чтобы помочь... И сама себя на плаху положит... Видать, предназначение у нее такое, чтобы жалеть всякого, кому шибко тоскливо да плохо. Она чужую душевную тоску сердцем чувствует, понимаешь? Любаша все время вздыхала да боялась за нее – как, мол, с таким сердцем жить-то будет? На чужую тоску ведь не наздравствуешься, много ее, тоски-то... Понимаешь, дядь Вань?

– Понимаю, Павлуша.

– Вот и я понимаю... И боюсь за Машутку. Этот твой, младший который... Как она, шибко к нему сердцем-то припеклась?

– Не знаю, Павлуша, – склонив голову, отмахнулся дед Иван. – Не береги душу, мне и без того тошно. Я и сам боюсь, Павлуша.

– А долго еще внуки у тебя гостевать собираются, не знаешь?

– Да через три дня вроде уедут, – охотно сообщил дед Иван. – У них и билеты на самолет куплены...

– Ага. Три дня, значит. Понятно. И уедут?

– И уедут. Да все образуется, что ты...

– Да в том-то и дело, что уедут, дядь Вань! – воскликнул Павлуша. – А Машутка здесь останется. Даже представить не могу, что с ней будет?

– Да ничего не будет. Поплачет немного и забудет, и дальше жить начнет.

– Ну, это ты Машутку не знаешь. Она не такая, – с уверенностью произнес Павлуша. – Говорю же, боюсь я за нее!

– Ладно, Павлуша, я тебя услышал. Обязательно поговорю сегодня с Леонкой. Пристыжу его, поганца.

– Да что там – поговорю... Какой теперь толк от разговоров? Как ни поверни теперь, все одно ничем хорошим не кончится... – печальным голосом проговорил Павлуша.

– Тогда чего ты от меня хочешь, Павлуша?

– Да ничего я не хочу, дядь Вань. Сижу да свой испуг по душе перекатываю. Ты прости меня, если что не так сказал.

– Да ничего... А с Леонкой я сегодня обязательно поговорю, обещаю тебе.

– Ну, как хочешь, дядя Ваня. Пойду я. Скажу Маргарите, что Машутку не застал, что в Феодосию уехала. Спасибо за пиво, вкусное было. До свидания, дядя Ваня.

– До свидания, Павлуша... Машутке-то передать чего?

– Ну, скажи, отец приходил... Что беспокоился, мол... А можешь и не говорить, чего толку-то от разговоров? Как ни поверни, все одно хорошим не кончится...

* * *

Дед Иван проснулся от тихого Машиного голоса, мурлыкающего во дворе популярную песенку. Эту песенку часто наярывал в телевизоре симпатичный молоденький паренек, и мелодия приелась довольно основательно, только в слова дед Иван никогда не вслушивался. Зато Маша перепевала их тихо, но с чувством, и дед Иван вдруг услышал, о чем она поет...

О боже, мама, мама, я схожу с ума,
Ее улыбка, мама, кругом голова.
О боже, мама, мама, пьяный без вина,
Ее улыбка, мама...

Нежно пела Машутка. Наверное, о чем-то своем пела. Через этого парнишку к мамке своей обращалась, которая, поди, слышит ее на небесах... Эх, горе, горе. И ведь не знаешь, что со всем этим хозяйством делать, как девчонке помочь... Внуки сегодня улетают, а дальше что будет? Вот тогда для Машутки и начнется это самое «схожу с ума» да «кругом голова».

Он приподнялся, сел на кровати, нащупал на спинке свою рубаху. Вышел во двор, сощурился на солнце, которое с утра уже закипало яростью. Днем опять пекло будет...

– Доброе утро, дядя Ваня! – весело поздоровалась Маша, выглянув из-под навеса. – Хорошо, что проснулись, скоро завтракать будем!

– А ребята где? Что-то никого не видно.

– А они искупаться пошли напоследок... Сегодня ведь уезжают.

– Да я в курсе... А ты чего такая веселая? Песни поешь...

– А чего мне грустить? Я ж с ними поеду.

– Как это? Ты чего такое говоришь, Машутка?

– Да ладно, дядь Вань... Мы с Лео уже решили – я тоже еду.

– Да ты... – опешил дед Иван. – Ты хоть соображаешь, что делаешь? Неделю погуляла – и уже наострилась ехать, а! Одумайся, Машутка!

– Нет, дядя Ваня. Мы уже все решили.

– Да кто это мы?!

– Я и Лео.

– Ночью, что ль, успели такое порешать?

– Ну, дядь Вань... – опустила глаза Маша. – Да хотя бы и ночью, что с того... Какая разница, ночью или днем...

– А я знаю, какая разница! Я вот покажу тебе разницу, ишь, смелая какая нашлась! А отец что скажет? А Маргарита?

– Да ну... Им без меня лучше. Маргарита хоть меньше раздражаться будет по пустякам. Я одним своим присутствием ее ужасно нервирую.

– Ну и нервируй себе на здоровье, и пусть... На бабий характер все равно не угодишь, что так, что этак. Нет, оставайся, Машутка, не придумывай себе ничего! Да и все равно отец тебя не пустит! Или ты тайком хочешь сбежать?

– Да как тайком, если паспорт мой дома... Я утром ходила домой, хотела его взять, пока они спали, да не успела, папа проснулся.

– Ты ему сказала, что хочешь уехать?

– Сказала...

– А он что?

– Он сказал, что паспорт не отдаст, – вздохнула Маша. – Что без паспорта я все равно никуда не улечу.

– Ну и правильно... И молодец... – закивал дед Иван, услышав эти слова. – Хоть здесь свой мужской характер показал.

– А я все равно улечу, дядь Вань, – упрямо заявила девушка. – Вот Лео сейчас придет и сам сходит за моим паспортом. Он сказал, что поговорит с папой и возьмет ответственность за меня.

– Ишь ты. Ответственность... Ага, пусти козла в огород, так он там все сожрет, и тоже с большой ответственностью.

– Зачем вы так про Лео, дядь Вань? Не надо, он совсем не такой...

– А ты откуда знаешь, какой он? Всего неделю рядом с ним побыла, и уже знаешь?

– Да я его чувствую. А если чувствую, значит, уже знаю.

– Ишь ты... – повторил дед Иван.

– Да ладно, дядя Ваня, не сердитесь на меня. Все равно я по-своему сделаю, и какой смысл тогда сердиться?

– Ну, знаешь...

– А где у вас черный перец, дядь Вань? – вдруг поинтересовалась Маша, обводя глазами пространство. – Я искала, искала, найти не могла. Лео любит глазунью посыпать черным перцем.

– Да вон, в жестяной банке из-под чая.

– Ой, а я и не догадалась... – всплеснула руками Маша.

– Не заговаривай мне зубы, Машутка! Я сказал, никуда не поедешь, значит, не поедешь!

– Ну, дядь Вань, не шумите... Я совершеннолетняя, сама могу решения принимать.

– Да соплюха ты совершеннолетняя, вот что! Вбила себе в голову любовь да чувства! А Леонка, он же такой... Да ты ж совсем его не знаешь, Машутка! Не пришлось бы потом слезы горькие лить! Да и что ты там будешь делать? Ни родственников, ни знакомых... Совсем одна!

– Я не одна, я с Лео. Я его люблю, дядь Вань. И он меня любит. А главное, я нужна ему! – с уверенностью проговорила девушка. – Очень нужна...

Дед Иван хотел было возразить, да не успел. Калитка с шумом распахнулась, и трое братьев гурьбой ввалились во двор – довольные и веселые, свежие после купания. Увидев под навесом накрытый к завтраку стол, расселись вокруг него, плотоядно поглядывая на большую сковороду с яичницей-глазуньей. Маша уже несла из кухни кофейник и тарелки с нарезанными колбасой и сыром. Вскоре запах кофе заполнил собою весь двор, и дед Иван будто со стороны смотрел на этот праздник жизни, пристроившись на краю скамьи и сложив ладони на стол.

– Дед, а ты чего не завтракаешь? – деловито спросил Антон, откусывая от бутерброда с маслом и сыром. – Машенька вполне приличный кофе умеет варить... И где только научилась, а? Ешь яичницу, дед, пока горячая!

– Не хочу. Кусок в горло не лезет, – ворчливо проговорил дед, разглядывая свои ладони.

– А чего так? – спросил Платон, заинтересованно глядя на деда.

– А ты будто не знаешь, да?

– Нет... А что случилось, дед?

– А Леонка вам разве не сказал?

– Нет, – покачал головой Антон. – А что он должен был нам сказать?

– Вот и спросите у него сами...

Братья молча уставились на Лео, который будто не слышал, что говорят именно о нем. С удовольствием поглощал яичницу, жмурился безмятежно.

– Лео, что случилось? – требовательно спросил Антон. – Что ты опять выдал напоследок?

– Да ничего особенного, в общем... – не меняя безмятежного выражения лица, тихо ответил Лео. – Просто Маша едет со мной. Но это уже мои дела, правда? Вас никаким боком не касаются.

За столом повисла неловкая пауза. Из кухни пришла Маша, села рядом с Лео, опустив голову, будто ждала приговора. Антон отставил чашку с недопитым кофе, проговорил едва слышно:

– С ума сошел...

– Так, давайте без трагических сцен обойдемся, хорошо? – твердо произнес Лео, обнимая Машу за плечи. – С чего вы взяли, что можете комментировать принятые мною решения?

– Потому что ты наш брат, с того и взяли. Младший брат, – тихо проговорил Платон, поднимая на Лео глаза.

– И что с того, что младший? Я ж не пацан, мне тридцатник, слава богу, исполнился. Я уже большой мальчик и в вашей братской опеке не нуждаюсь.

– Да при чем тут ты, Лео... – неловко поморщился Антон, сплющивая в пальцах хлебный мякиш. – Ты можешь делать что хочешь, но девочку в покое оставь. Ты не имеешь права ей судьбу ломать, понял?

– А с чего ты взял, что я буду ломать ее судьбу? По-моему, наоборот...

– Ну, это ты так считаешь. Мы-то тебя знаем как облупленного. Через месяц ты в «судьбу» наиграешься, и дальше что? Обратно ее отправишь? А если... Не дай бог, конечно...

– Все, хватит! – решительно пресек Лео невысказанные Антоном предположения. – Я сам буду разбираться со всеми «если», понятно? У вас разрешения не буду спрашивать!

– Дед, хоть ты ему скажи... – протянул руку в сторону деда Платон.

– А что я скажу? Вы уж все сказали... – вяло отмахнулся дед. – Чего толку говорить-то, все равно он меня не послушает... Я для вас уже не авторитет, старый стал, бестолковый.

Маша сидела ни жива ни мертва. Дед Иван видел, как крепко под столом она сжимает ладонь Лео, будто цепляется за нее как за соломинку. Вдруг стало жалко ее – сил нет... Ведь и впрямь с пути собьет девку! Да разве может она тягаться со всякими там певицами да артистками, что у Лео табунами пасутся? Она ж еще дурочка малолетняя...

Антон тоже повернулся к Маше, заговорил вкрадчиво:

– Послушай меня, милая девочка... Я понимаю, что Лео красив, что ты никогда не встречала такого мужчину, что ты влюблена... Но поверь мне, ничем хорошим твое увлечение не кончится. Каждому в этом сложном мире свое, понимаешь? И тебе в этом богемном круге, в котором вращается наш Лео, просто не найдется места. Ты будешь чувствовать себя неудобно, поверь мне!

– Да я не хочу вращаться в круге! Я просто хочу быть рядом, и все. Мне очень нужно быть рядом, вы просто не понимаете... – шепотом проговорила Маша.

– Да отчего ж не понимаем? Прекрасно понимаем, конечно. Красивый мужчина, другая жизнь... Но и ты тоже пойми!

– А билет! – вдруг ухватился за спасительную мысль Платон, победно подняв вверх палец. – Лео, где ты купишь ей билет на самолет? Никак и нигде, тем более в день отлета!

– Да не проблема, куплю за двойную цену, – безмятежно улыбнулся Лео. – Ну, или за тройную... У меня на карте вполне достаточно денег.

– Во дурак... Ну не дурак, а? – удивленно переспросил Платон, глядя на Антона.

– Да, Платош, все соответственно присказке про трех братьев, ты прав! – тихо рассмеялся Лео. – Первый умный был детина, средний, блин, так и сяк, третий вовсе был дурак. Так что я не обижаюсь, все наши взаимоотношения произрастают из народной мудрости. А вы не забудьте Маше спасибо сказать за вкусный завтрак, будьте добры. И закончим на этом. У нас еще куча дел...

Лео поднялся со скамьи и потянул за собой Машу:

– Идем! Посуду они сами помогут!

– Куда ты? – растерянно проговорил ему в спину Платон. – Скоро такси подойдет, в аэропорт пора ехать!

– Да мы ненадолго... – на ходу обернулся Лео. – Идем Машин паспорт добывать...

Они не успели выйти за калитку – столкнулись с Павлушей Майдалиным. Вслед за ним поспешала Маргарита – плотная коренастая блондинка в трикотажном халате, обтягивающем богатую грудь. Видно было, что Маргарита привыкла гордиться своим богатством и всячески выпячивать его на обозрение окружающим. Глаза ее на загорелом лице сверкали гневом и предвкушением скорого скандала.

– Пап, мы за паспортом... Отдай мне паспорт, пап? – обратилась к отцу Маша.

Павлуша моргнул, провел растерянным взглядом по лицам Лео и Маши и проговорил тихим голосом, в котором не слышалось ни одной ноты приказа:

– Ты никуда не поедешь, Маша. Ты останешься дома. Ну сама подумай, куда ты едешь, зачем...

– Отдай мне паспорт, папа! – уже тверже повторила Маша. – Ты не имеешь права, я совершеннолетняя, я сама отвечаю за свои поступки!

– Машутка... – с мольбой проговорил Майдалин. – Одумайся, прошу тебя, доченька!

Лео шагнул вперед, улыбнулся миролюбиво и что-то хотел ответить Павлуше, но тут вперед выступила Маргарита, выбросив впереди себя, как флаг, жирную фигу, направленную в сторону Маши:

– Паспорт отдай, говоришь? А вот это видела, сопля ты совершеннолетняя? Хочешь нам с отцом в подоле принести, да? Ты нагуляешь, а нам потом подбросишь? Думаешь, хахаль твой женится на тебе, что ли? Ага, жди! Размечталась! И нам тоже не с руки приبلудных растить!

– Я бы вас попросил выбирать выражения, мадам! – без гневного напора, почти весело проговорил Лео. – И уберите свою фигу, пожалуйста, мы все ее уже увидели и по достоинству оценили.

– Нет уж, дорогой, не уберу! – сощуриив глаза, зло бросила в его сторону Маргарита. – Я таких, как ты, как облупленных знаю, за версту чую! Увезешь девку, побалуешься с ней месяц-другой, а потом куда, как надоест? Ладно еще расщедришься на обратный билет, и на том спасибо. А если жаба задавит, тогда что? На панель девку отправишь?

– Я прошу вас не оскорблять Машу, уважаемая. И я тоже ничего плохого вам не сделал, чтобы подозревать меня в подобной низости.

– Ну, не сделал, так сделаешь, какая разница! Все вы тут одним миром мазаны, сволочи... Знаю я таких, как вы! Повидала на своем бабьем веку!

– Мне очень жаль, мадам, что ваша женская биография претерпела горестный опыт мужского обмана и вероломства, но зачем же проецировать его на других... – проговорил Лео.

– Что-о-о? – яростно пропела Маргарита и втянула в себя воздух, всхрипнув при этом, как взнузданная лошадь. – Что ты сказал, повтори?!

– Разве я вас чем-то обидел, мадам?

– А разве нет? Да я тебя самого так сейчас спроецирую, что мало не покажется! Понял?

– Понял, – в высшей степени покладисто кивнул Лео и только что не поклонился. – Осознаю. Прошу вас, не будем больше спорить... Простите великодушно, если обидел. Тем более времени на выяснение отношений у нас совсем не осталось. Отдайте Машин паспорт, пожалуйста. Она действительно совершеннолетняя, и вы не можете ей приказывать. Она сама приняла решение ехать со мной, и вам придется считаться с этим решением, как бы ни хотелось иного.

– Ага, сама! Да что она может, сама? Это ты небось уговорил девку! Наплел ей всякого про красивую жизнь, навешал лапшу на уши! Я уж поняла, как складно ты говорить умеешь, как по писаному читаешь! Понятно, что она рот открыла, слушает тебя, как батюшку на проповеди! Ну, наговоришься, натешись ее глупостью... А дальше-то что? Нам с отцом потом расхлебывать? Нет уж, дорогой, не выйдет! Не на ту напал!

Дед Иван, Антон и Платон сидели молча за столом, напряженно вслушиваясь в этот скандальный диалог. Потом дед не выдержал, успел проговорить в короткую паузу:

– Леонка, отступись! Прошу тебя, отступись, ей-богу...

И никто не слышал, как Маша, умоляюще глянув на отца и сглотнув слезы, прошептала тихо:

– Папочка, прошу тебя... Ну, пожалуйста, папочка...

Видимо, Павлуша услышал что-то в голосе дочери, что заставило его моргнуть и виновато улыбнуться, и прошептать в ответ также тихо:

– Ладно, идем...

И уже громче добавил:

– Надо ведь вещи какие собрать. Не в шортах же тебе ехать...

И решительно шагнул в сторону калитки. Маша радостно потрусила за ним, сделав рукой знак Лео – не ходи за мной, я сама, я быстро...

Маргарита обернулась, обиженно и громко проговорила им вслед:

– В подоле принесет, сам нянчиться будешь, понял?

– И буду! – выходя за калитку, тихо огрызнулся Павлуша.

– Во дурак... – в растерянности развела Маргарита в стороны плотные руки. И, обращаясь к немногочисленной публике и будто приглашая ее возмутиться вместе с нею, картинно распахнула глаза: – Угораздило же меня с бестолковками связаться... Что папаша, что дочка его...

– Так развяжись, Ритуля, в чем дело-то... – с досадой вздохнул дед Иван, глядя вслед удаляющимся Маше и Лео. – Не веревками же тебя прикрутили, не морским узлом за спиной завязали? Возьми да развяжись, дело-то выведенного яйца не стоит.

– А не ваша забота, дядь Вань, понятно? – тут же огрызнулась Маргарита.

– Отчего ж не понятно? Понятно, конечно. А только знаешь, Ритуля, бабье счастье – штука гордая да обидчивая. Оно захватом никому не дается, оно на небесах лепится да по великой господней милости на голову сваливается. Той, которая избрана, той, которая сердцем заслужила. Той, которая достойна да спокойна, да на нежность и доброту щедра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.